

Мэри Мэйсон

АГЕНТСТВО
АЛЬМА ТРЕЙД

Мэри Мэйсон

Агентство "Альма Трейд"

«Автор»

2026

Мэйсон М.

Агентство "Альма Трейд" / М. Мэйсон — «Автор», 2026

Лондон, 1857 год. Демон Айдан Флеминг из агентства «Альма Трейд» безупречно собирает души по контрактам, а после смены читает сестёр Бронте и отдыхает с коллегами. Его спокойным дням приходит конец, когда на одном из заданий он встречает дочь пастора Мишель Харрингтон. Её душа продана боссу, но у Айдаана не получается её забрать: похоже, их судьбы когда-то успели переплестись. Опасаясь гнева начальства, Айдан не придумывает ничего лучше, кроме как держать Мишель подле себя, пока не решится вопрос забора души. Рада ли она этому? Разумеется, нет. Но что, если их встреча несёт не только хлопоты, но и глобальные перемены?

© Мэйсон М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Гордыня	5
Глава 2. Не произноси имени Господа всуе	16
Глава 3. Блаженны кроткие	20
Глава 4. Чти отца и мать	27

Мэри Мэйсон

Агентство "Альма Трейд"

Глава 1. Гордыня

«Какая польза человеку, если он приобретёт весь мир, а душе своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу свою?» (Мф. 16:26)

Айдан

А теперь к прогнозу погоды. Сегодня и в ближайшие десять дней в основных кругах Ада сохранится экстремальная жара. Температура воздуха днём достигнет тридцати девяти — сорока градусов по Цельсию, в отдельных кругах — до сорока пяти.

Ночью облегчения не ждите: столб термометра застынет на отметке тридцати трёх градусов. Обильных осадков не ожидается, местами прольются короткие дожди из расплавленной серы на втором и третьем круге. Все, кто желает попасть на девятый круг и охладиться — приготовьтесь выстоять очередь.

Погода стабильно невыносимая во всех кругах. Всем ужасного дня!

Радиоведущая со скрипучим голосом затихла, и из старых громкоговорителей пустили «Прелюдию 4 ми минор» Шопена. В последнее время он полюбился верхушкам, поэтому те решили навязать эту любовь всем остальным. Что ж, могут себе позволить.

Айдан спешно шёл через самую густую улицу второго круга. Даже в полдень здесь было темно, как в сумерках: масляные фонари, прикрученные к стенам домов, едва справлялись с плотным, тягучим сумраком, пропитанном запахом дешёвых благовоний и чего-то сладковато-гнилого.

И почему босс решил, что поставить главный филиал агентства именно в этом районе будет хорошей идеей? Да, второй круг Ада славился деловым азартом, а агентство «Альма Трейд» работало на стыке миров: выкупало, перепродавало, оформляло и иногда даже теряло контракты. К тому же близость к серым рынкам и теневым гильдиям позволяла агентству быть в курсе всех слухов ещё до того, как они становились проблемами. Но можно было подыскать место и получше.

— Мальш, не хочешь поиграть? — Айдан почувствовал, как его плечо обвили две тонких розовых руки.

Разумеется, родина инкубов и суккубов ими же и кишела. Ещё ни разу ему не удалось пройти так, чтобы его не облапали и не позвали в постель.

— Благодарю за предложение, но я опаздываю на работу.

Он соврал. Айдан всегда приходил вовремя, потому что знал, чего стоит опоздание в агентстве.

Девушка нехотя отпрянула, пожирая его осуждающим взглядом. Никто в Аду не любил прилежных мальчиков, наверное, потому что зачастую те водились в ином месте.

Айдан посильнее натянул на голову капюшон, чтобы ни его лицо, ни волосы не было видно, и ускорил шаг, лавируя между блудниками и блудницами.

Филиал главного офиса «Альма Трейд» располагался в четырёхэтажном здании, которое когда-то было особняком какого-то обедневшего демонического рода. Снаружи — самое примечательное строение во всём втором круге: тёмный кирпич, увитый почерневшим от копоти плющом, узкие окна, табличка у входа с выгравированным названием агентства и графиком работы. Над крышей вздымались сводчатые шпили, тонкие и острые, как иглы, устремлённые в вечно багровое небо. Они были видны с любой улицы квартала, и ни один демон не мог спутать это здание с другим.

Айдан толкнул тяжёлую дверь и вошёл. На первый этаже были приёмная и кабинеты для клиентов: мягкий свет, кожаные кресла, запах старой бумаги и воска. Здесь всё было устроено так, чтобы успокоить, усыпить, расположить.

Айдан направился вверх по витиеватой лестнице. Второй этаж был обустроен для агентов. Он миновал приёмную и оказался в общем зале откуда агенты получали задания. Несс уже была на своём рабочем месте — за массивным столом из чёрного дерева с серебряными рунами. На столе громоздились стопки папок, чернильница с вязкой, почти застывшей жидкостью, перо с обломанным кончиком, обёртки от трюфельных конфет и маленькая бронзовая статуэтка, изображавшая демона в позе вечного сомнения.

Несс сидела, слегка наклонив голову, и что-то быстро записывала в толстый гроссбух. Бордово-красные рога едва виднелись среди чёрных кудрей, которые она, казалось, никогда не причёсывала, но которые всегда выглядели идеально уложенными. Её бардовые губы были поджаты, а вечно подведённые чёрным глаза опущены.

— Ты опоздал, — начала она, не прекращая писать.

— Меня задержали на улице.

— Может, тебе стоит передвигаться до работы на карете? Целее будешь. — Она указала длинным чёрным когтем на его правое плечо.

Вот чёрт! Айдан и не заметил, как одна из суккубов распоролла его плащ, оставив две длинные дыры, сквозь которые теперь виднелась рубашка. Он снял его и повесил на лакированную вешалку у дверей.

— Ты думаешь, что водители здесь соблюдают приличия? Наверняка они берут плату за поездку телом, — фыркнул Айдан, поправляя рубашку.

Несс пожалла плечами, наконец поднимая глаза.

— Я более чем уверена, что интерес большинства демонов к твоей персоне изза волос. Давайотрежем их.

Признаться, Айдан сам частенько задумывался о том, чтобы сделать это, однако предполагал, что дело не только в их длине, но и в цвете. У всех сотрудников «Альма Трейд» были отличительные знаки, своего рода униформа, которую нельзя скрыть или изменить. И это стало проблемой, породившей нескончаемый поток приставаний.

Несс имела необычный цвет рогов — бордовокрасный, а не чёрный, как у всех. И в отличие от Айдана, могла прятать рога в чёрных кудрях, когда пожелается. Но как спрятать яркие, красные, длинные до живота волосы?

— А с лицом мне что сделать? — ответил спустя время Айдан, завязывая волосы в высокий хвост. — Тоже порежем на куски?

Несс задумалась на мгновение, постукивая когтем по обложке гроссбуха.

— В таком случае ты обречён, Айдан Флеминг. Советую выходить на работу за несколько часов, чтобы успевать удовлетворить всех желающих.

Айдан закатил глаза. Некогда они с Несс были близки физически, но демоница давно переросла эти отношения, оставив между ними только едкие шутки и профессиональное уважение. Теперь её подколки были не попыткой задеть, а своеобразным способом сказать: «Я вижу, что тебе тяжело, но мы оба знаем, что ты справишься».

— Кроу уже в архиве?

— Да, перебирает старые договоры. Кажется, нашёл какого-то должника аж четырнадцатого века. Савелий заперся у себя и что-то варит. Я бы на твоём месте туда не совалась.

Да, уж, в последний раз, когда этот старик «просто проверял новый состав», они проветривали поместье три дня. Айдан всё ещё помнил этот тошнотворный запах гнилых фруктов вперемешку с серой.

— Грегор на задании, а близнецов я, кажется, слышала наверху.

Айдан кивнул и направился к своему кабинету. Сверху кто-то пробежал, топая ногами. На третьем этаже была лаборатория Фёдорова и жилые комнаты для тех, кто предпочитал не покидать стен агентства. Сам Айдан жил отдельно — крошечная квартира в пятом круге, подальше от суккубов и поближе к библиотекам, но иногда приходилось ночевать в особняке. Он никогда не забудет день, когда проснулся рядом с пышногрудой девушкой — голый и с ужасной болью ниже пояса.

Айдан покрутил головой, смахивая неприятные мысли. От этого он едва не врезался в Кроу. Демон-архивариус — высокий, худой, с красными ногтями и глазами, напоминавшими два мутных бельма. Он был слеп в человеческом понимании этого слова, но видел куда больше любого зрячего.

— Айдан, — голос Кроу звучал тихо, но проникал в самую голову, да так сильно, что иногда после разговора с ним требовалось проветриться. — Ты опоздал на три минуты.

— Меня задержали на улице. — И почему сегодня он всем отчитывается?!

— Знаю, — бельма дрогнули. — Суккуба. Розовые руки. Гнилые духи из роз. Я почувствовал её след на тебе ещё до того, как ты вошёл в дверь.

— Ты мог бы предупредить меня, — хмыкнул Айдан. — Ты же чувствуешь всех в радиусе квартала.

— Я не занимаюсь благотворительностью, — Кроу улыбнулся. — К тому же это было забавно. Твоя душа всегда так ярко вспыхивает раздражением.

Айдан хотел было ответить, но с третьего этажа раздался приглушённый хлопок, а за ним — визгливое хихиканье. Кроу поморщился.

— Близнецы, — констатировал он. — Снова пытаются призвать кого-то в гостиную.

— Кого на этот раз?

— Не знаю, — бельма Кроу на мгновение вспыхнули изнутри слабым серебристым светом. Айдан предполагал, что тот нарочно притворяется слепым, чтобы не ходить на задания, но не мог этого доказать. — Оно очень маленькое и очень злое. И у него шесть ног.

— Лучше проверить? — спросил Айдан, заранее зная ответ.

— Лучше проверить. — Подтвердил Кроу.

Айдан рванул к лестнице, перепрыгивая через несколько ступеней сразу. Судя по звукам, близнецы были как раз в гостиной. Она представляла собой просторную комнату с большим камином, парой продавленных диванов и круглым низеньким столом.

Когда Айдан вошёл, стол был сдвинут к стене, а на полу красовалась старательно выведенная мелом пентаграмма. В центре неё, вращая глазами в разные стороны, сидело существо размером с крупную кошку: чешуйчатое, шестилапое, с вытянутой мордой и длинным хвостом, увенчанное костяным наконечником. Существо выглядело не столько опасным, сколько возмущённым.

По обе стороны от пентаграммы стояли Самаэль и Кассиэль — близнецы, похожие друг на друга, как левая и правая рука. Оба светловолосые, голубоглазые, с лицами, которые в Аду можно было бы назвать неприличными. Братья умерли (или были созданы так) в очень раннем возрасте и выглядели точь в точь как круглощёкие английские дети из богатой семьи. Близнецы носили одинаковые костюмы-тройки и редко выбирались на улицу из-за своей внешности — ангелов в Аду, знаете ли, не жалуют. И единственное различие близнецов было в том, что Самаэль всегда улыбался во весь рот, в то время как Кассиэль не улыбался вообще.

— Айдан! — Самаэль всплеснул руками. — Ты вовремя! Мы тут провели небольшой эксперимент.

— Вы призвали шестилапую тварь в гостиную, — Айдан скрестил руки на груди. — Если она и была вашим результатом, то поздравляю. Но это не входило в план, верно?

— Она хотя бы живая! — Кассиэль поджал губы и посмотрел на камин. В огне уже полыхало несколько чьих-то тел. О Сатана...

— Мы хотели вызвать мелкого беса для курьерской работы. — Продолжил Самаэль. — Получилось это. Она, кстати, отлично ловит мышей!

Существо в пентаграмме издало звук, похожий на скрежет металла, и выпустило из пасти струйку дыма.

— Это адский василиск, — Айдан потёр переносицу. — Детёныш. Они ядовиты, и если оно дорастёт хотя бы до полуметра, то сможет обращать в камень.

Близнецы переглянулись, и Айдан заметил, как среди кудрей блеснули их красные метки. Он всегда завидовал в этом братьям: их знак от агентства был крошечным — по одной несчастной пряди на голову, а не все волосы целиком. Среди густых белокурых кудрей её было легко спрятать....

— Полезно, — хором сказали они.

— Вон, — Айдан указал пальцем на дверь. — Оба. В свой кабинет. Василиска — в лабораторию к Фёдорову, пусть разбирается.

Самаэль и Кассиэль одновременно закрыли глаза, но спорить не стали. Близнецы занимались в «Альма Трейд» связями с общественностью и разведкой. Точнее, так это называлось официально. На деле же они проникали туда, куда не могли проникнуть остальные, добывали информацию, которую невозможно было добыть, и время от времени проворачивали операции, о которых босс предпочитал не знать официально. Их ангельская внешность была идеальным прикрытием, а демоническая сущность — идеальным оружием. Айдан слышал, что те некогда действительно были ангелами, но близнецы этой темы избегают.

Когда суэта с василиском улеглась, Айдан наконец добрался до своего кабинета. Это была небольшая комната на втором этаже, окно которой выходило на внутренний двор — единственное место в округе, где росло хоть что-то живое. Старый вяз, посаженный ещё первыми хозяевами особняка, тянулся чёрными ветвями к небу. Айдану всегда было интересно, чем питается это дерево, как глубоко оно просунул свои корни, чтобы найти что-то полезное? Или это фокус правовладельцев и дерево живёт благодаря энергии кого-то из его предков? Кто знает.

Свой кабинет Айдан обставил скромно: письменный стол, пара стульев, книжный шкаф, набитый справочниками по демонологии, юридическими кодексами всех девяти кругов и несколькими томиками сестёр Бронте.

Собиратель душ — звучало внушительно, почти пугающе. На деле же это была рутинная, кропотливая работа, требующая знания законов, умения вести переговоры и, что важнее всего, терпения. Каждая душа, попадавшая в поле зрения «Альма Трейд», была чьим-то долгом, чьим-то активом или чьей-то собственностью. Контракты, договоры, расписки — бумажная паутина, опутывавшая миры.

Айдан прошёл к своему столу — небольшому, но идеально организованному. В отличие от хаоса, царившего на рабочем месте Несс, у Айдана каждая папка лежала на своём месте, каждая чернильница была закрыта, а перья заточены. Он считал это примером организованности. Порядок на столе — порядок в голове.

В мыслях сами собой всплыли слова одного из высших демонов, который выступал на недавнем праздновании восьмисотлетия агентства.

— Айдан Флеминг не просто один из лучших собирателей душ в агентстве! Он — лучший! За триста лет службы этот демон не провалил ни одного контракта! Все его задания выполнены блестяще! Вот это пример, к которому должны стремиться все компании!

Продолжая глупо улыбаться, Айдан принялся разбирать записи. Их было немного: пара рутинных проверок, один просроченный контракт из третьего круга, дело о мошенничестве с подделкой подписей (демоны любили судиться не меньше людей) и одна пометка, сделанная рукой босса — всего три слова: «Зайди ко мне».

Айдан нахмурился. Босс редко оставлял такие пометки. Обычно задания поступали через Несс, которая распределяла их в зависимости от нагрузки сотрудников. Айдан поправил жилетку, проверил, не стоял ли волосы дыбом, и направился к кабинету босса.

Комната главы агентства располагалась на последнем этаже. Массивные двери, исполанные золотом, открылись сами, стоило Айдану приблизиться.

Марак сидел за столом — огромным, как алтарь, заваленным бумагами и безделушками. Босс «Альма Трейд» выглядел как человек лет пятидесяти: седеющие виски, тяжёлый подбородок, глубоко посаженные глаза цвета запёкшейся крови. В человеческом облике он был бы похож на преуспевающего банкира. Из демонического у него остались большие витиеватые рога, алый хвост и когти. В истинном обличье он представлял из себя нечто, что лучше не описывать. На столе перед ним стояла бутылка, светящаяся серебром, и два бокала.

— Айдан! — Марак расплылся в улыбке, от которой у любого нормального существа по спине пробежал бы холод. — Заходи, дорогой мой. Садись.

— Слёз? — Марак щедро плеснул в бокал серебристую жидкость. — Открыл новую бутылку.

— Благодарю.

Айдан взял бокал, но не отпил. Он знал, что когда босс начинает с Серафимовых слёз — самого элитного и дорогого напитка во всём Аду — это означает одно: либо очень хорошие новости, либо очень плохие. С Мараксом никогда нельзя было сказать заранее.

— Знаешь, почему я тебя позвал? — Марак откинулся в кресле, сцепив пальцы на животе.

— Не имею чести.

— Ах, брось. Скромность тебе не идёт. — Марак рассмеялся. — Ты закрыл контракт с герцогом Хартфордом. Досрочно. Без единой жалобы. Душа уже у нас, а его семья в райских садах даже не заметила пропажи.

Айдан кивнул. Хартфорд был сложным клиентом. Старик, который торговался до последнего, пытался перехитрить агентство, даже нанял экзорциста. Но Айдан давно научился забирать такие души.

— Это был не первый и не последний, — подметил он.

— Именно! — Марак хлопнул ладонью по столу. — Именно поэтому я решил тебя наградить. Официально.

Он вытащил из ящика бархатную коробочку и подтолкнул её через стол. Айдан аккуратно открыл. Внутри лежала брошь — крошечная, из тёмного серебра, с рубином в центре. Камень пульсировал, словно человеческое сердце.

— Рубин, сделанный из души Хартфорда, — пояснил Марак. — Огранён вручную. Теперь это твоя личная награда. Носи с гордостью.

Айдан взял брошь, она была тёплой на ощупь.

— Благодарю, — сказал он, продолжая рассматривать украшение.

— Не стоит, — Марак махнул рукой. — Я не просто так это делаю. Видишь ли, Айдан, у меня есть планы. Большие планы. И в этих планах тебе отведена особая роль.

Он поддался вперёд, и в его глазах мелькнуло раздражение.

— Такими темпами, — продолжил Марак, — ты можешь дослужиться до... скажем так, очень высокого поста. Возможно, даже занять моё место. Когда-нибудь. В далёком будущем.

Повисла пауза. Айдан смотрел на босса и пытался понять, шутит тот или нет. Но Марак никогда не шутил о своей власти.

— Это... неожиданно, — осторожно ответил Айдан.

— Неожиданно? — Марак рассмеялся, но в смехе не было веселья. — Ты лучший, Айдан. Лучший из всех, кого я видел за тысячу лет. И я, как руководитель, должен признавать таланты. Даже если эти таланты... — он сделал паузу, — угрожают моему положению.

Вот оно. Айдан почувствовал, как воздух в кабинете стал тяжёлым.

— Я не претендую на ваше место, — поспешил успокоить демона он.

— *Пока* не претендуешь, — поправил его босс. — Но брошь, которую я тебе дал... она не просто награда. Это напоминание. Помни, мальчик, что ты мой. *Навеки*.

Он откинулся в кресле, и улыбка вернулась на его лицо.

— Ты — моя лучшая инвестиция. И я не позволю этой инвестиции уйти. Если к тебе будут приходить Владыки с предложениями....

— Я откажусь, — перебил его Айдан. — Вежливо напомню им, что мои душа и тело принадлежат Мараку Асмодею Феллу.

Услышав второе имя — имя своего Владыки — у Марак задрожали глаза. Айдан улыбнулся, обнажая клыки.

Даже у хозяев есть свои господа.

— Вот и славно. — Босс попытался подобраться и отпил из бокала. — А теперь иди. У тебя новое задание. Несс всё расскажет.

Айдан встал, слегка поклонился и вышел.

В коридоре он остановился, прислонился к стене и закрыл глаза. Брошь в кармане жгла сквозь ткань. Награда. Или, если быть точнее — поводок.

Вернувшись в общий зал, Айдан обнаружил, что Несс уже подготовила для него папку.

— Твой следующий клиент, — начала Несс.

Айдан раскрыл папку. Мистер Джозеф Тэтчер, сорок два года, владелец небольшой текстильной фабрики в Кингстон-апон-Халле. Трое детей, жена больна, по уши в долгах. Классика.

— Уже колеблется, — Несс закурила из длинного мундштука. — Даже ездил в Лондон к преподобному Эдварду Харрингтону, в церковь Святого Михаила. Чёртов старик напугал его до полусмерти. Джозеф долбит во все отделения и говорит, что передумал.

Айдан усмехнулся и захлопнул папку.

— Харрингтон, он ещё жив? Я думал, его давно хватил удар от праведности.

— Живее всех живых. И очень убедительно рассказывает про вечные муки. Сомневающимся как Джозеф, за последние десять лет стало слишком много. Не то, чтобы нам это мешало... — Несс выпустила дым, оглядываясь. Об этой проблеме старались не говорить, но не замечать её уже невозможно.

Ад переполнен. Души стали конвертируемой единицей. Ею платят за услуги между демоническими домами, её обменивают на артефакты, её закладывают. Душа может быть «заморожена» на тысячу лет, а потом перепродана другому хозяину.

Но «Альма Трейд» работает слишком хорошо. Продажа души среди людей стала модной, доступной. Люди продают души массово. Поток душ растёт в геометрической прогрессии, а инфраструктура Ада строилась на совсем другие цифры.

Души уже просто некуда девать. Дешёвые, коих слишком много, не едят — они невкусные. Их не продают — рынок переполнен, цена упала. Даже сжечь всех невозможно — печи не рассчитаны на такие объёмы. В итоге миллионы заурядных душ просто лежат на складах. Огромные ангары, где души хранятся в подвешенном состоянии, как тюки с зерном. Они скупают, стонут, занимают место.

Хоть в последние годы в «Альма Трейд» следят за качеством душ и отбирают только самые лучшие для контрактов — они не могут убрать другие агентства, которых это не особо заботит.

С бюрократией тоже всё ужасно: каждую душу нужно оформить, подшить контракт, провести аудит, распределить по категории. Но сотрудников не хватает. Даже такие элиты, как Грегор или Кроу, работают на пределе. Часть душ годами ждёт своей очереди на «обработку»,

и всё это время они болтаются в чистилище между мирами, не принадлежа никому. Это раздражает и демонов, и Небесную Канцелярию.

Демонические дома теперь грызутся за территории, у Марака амбиции не просто забрать поводок у Асмодея, Айдан допускал, что тот вполне может покуситься на сам трон. Ад стоит на пороге войны — и всё из-за того, что некоторые слишком хорошо делают свою работу.

— К нему уже приходил собиратель и тот даже приблизиться к нему не смог — Джозеф облился святой водой, повесил на себя кучу крестов и постоянно читает «Отче наш».

Айдан усмехнулся.

— Ну что ж, — он поправил брошь на груди. — Посмотрим, чья риторика лучше.

Айдан бывал в Кингстон-апон-Халле лишь однажды. Город пах солью и гниющими водорослями — портовый дух, пропитавший каждый камень, каждую дверную раму, каждую занавеску в дешёвых гостиницах. Ветреный, серый, прекрасный в своей убогости. Здесь не было лондонского лоска, не было притворства. Здесь люди просто выживали — рыбаки, докеры, торговцы треской. И именно поэтому здешние души были особенными: они продавались не от жадности, а от отчаяния. А отчаявшаяся душа, как известно, ценится выше.

Несколько десятков лет назад Айдан забрал здесь старого шкипера. Тот подписал контракт, чтобы спасти сына от долговой тюрьмы, и Айдан исполнил сделку чисто: явился в назначенный час, извлёк душу, оставил тело в кресле у камина. Старик не сопротивлялся.

В Мастерской Тэтчера пахло краской, пылью и старым деревом. Джозеф сидел за столом, заваленным счетами. Вид у него был загнанный, глаза красные. На столе стояли иконы, а на шее действительно Айдан успел насчитать минимум три креста среднего размера.

— Мистер Тэтчер? Айдан Флеминг, «Альма Трейд». Мы с вами переписывались.

Тэтчер вздрогнул, перо выпало из рук.

— Сгинь! — закричал он. — Я передумал!

Айдан закатил глаза, когда мужчина потянулся к бутылке из-под стола и облился ей, оставив часть.

— Подойдёшь ближе — оболью и тебя. Слышал, что ваша кожа мгновенно начинает сгорать от святой воды.

— Как насчёт конструктивного диалога? — Айдан вытянул руки в примирительном жесте. — Вы думаете, что сможете бесконечно изгонять демонов? Ваш контракт уже подписан и рок настигнет рано или поздно. В ваших руках сделать это добровольно.

— Нет! — завопил Джозеф и резко брызнул прямо Айдану в лицо водой.

Мужчина зажмурился, ожидая, видимо, криков, но когда не услышал ничего, кроме презренного фырчанья, открыл глаза.

Айдан, сморщившись, вытирал лицо и грудь от воды. Никаких прожжённых рубашек или плоти.

— Как?! Прошлый демон боялся воды! — Джозеф посмотрел на бутылку. — Может, её не освятили?

— Освятили, не переживайте. От бесов и младших демонов она, может и поможет.

— А ты?.... — Джозеф опустил на стул, вжимаясь в него. — Какого чёрта ко мне послали?

Айдан ухмыльнулся.

— Я из тех чёртов, кто может вместе с вами в унисон зачитать «Отче наш», но я предлагаю обычный диалог. Как вы смотрите на это?

Джозеф колебался, теребил пробку от бутылки.

— Я говорил с преподобным. Он объяснил мне, что это... что это вечная погибель. Что вы обманете. Что богатства отберут. Я не могу так поступить с семьёй. С собой.

Айдан закончил вытираться, снял плащ и сел напротив Джозефа.

— Преподобный Эдвард хороший человек. Полагаю, он многое вам поведал.

Джозеф закивал, его лицо взмокло, он схватился за воротник, расстёгивая давящие шею пуговицы, хотя вся проблема была в крестах. Айдан продолжил.

— Скажите, мистер Тэтчер, а он упомянул, что ваша жена умрёт через полгода, если вы не оплатите лечение? Прошу прощения, что прочитал заключение от местного врача без разрешения, но это правда. Но... Я должен также упомянуть, что ваша жена умрёт завтра, если вы не передадите мне душу.

Тэтчер побледнел.

— Судя по вашему лицу — преподобному эта информация не была доступна, — Айдан пригладил волосы. Без рогов было некомфортно, но он не мог допустить, чтобы Джозеф испустил дух раньше и отправил свою душеньку совсем не туда, куда нужно. — Не пугайтесь, это не угроза, это было прописано в нашем контракте. Я просто предлагаю вам взглянуть на вещи трезво.

Айдан щёлкнул пальцами и на столе перед Джозефом появился контракт, подписанный им самим несколько недель назад. Он поддался вперёд, понизив голос.

— Вот здесь, — Айдан указал пальцем на пункт 6.7. — Видите? Могу прочитать: в случае невыполнения условий, исполнитель имеет право взыскать долг в полной мере. — Джозеф уже начал дрожать, капля пота скатилась с виска и упала на контракт. Айдан брезгливо поморщился и отодвинулся от мужчины. — Скажите, что именно вам обещал преподобный? Вечные муки?

— Д-да. — Писклявым голосом ответил Джозеф. — Огонь, страдания, что я обрекаю себя...

— Когда?

Тэтчер замер.

— Что... когда?

— Когда начнутся эти муки? — Айдан развёл руками. — Вот в чём вопрос, мистер Тэтчер. Вам сказали «вечные муки», но не уточнили сроки. А я уточню. Ад переполнен. Вы представляете, сколько людей за последние два века продали душу? Миллионы, миллиарды! Очередь на вход длиннее, чем в приёмной у королевы. Ваша душонка хоть и хороша, но всё равно попадёт в общий поток, а это значит — десятилетия, а то и столетия ожидания. Пока вы ждёте своей очереди, ваша семья будет жить. Ваши дети вырастут. Ваша жена выздоровеет. Вы успеете увидеть внуков. Да, наше агентство гарантирует, что во время ожидания участия вы сможете в любое время дня и ночи увидеть своих родных. Пункт 8.4. — Айдан сам перевернул страницу контракта и ткнул пальцем в нужную строку. — Правда есть один нюанс: они не смогут видеть вас, но разве это не крошечная плата за их счастье?

Тэтчер молчал. Айдан видел, как в его глазах борются страх и надежда. Пора было добавить веса. Это было рискованно, но иначе переиграть Харрингтона было нельзя. Главное, чтоб у бедного Джозефа выдержало сердце.

Айдан едва заметно повёл плечом — и на долю секунды перестал быть человеком.

Свет в мастерской дрогнул. Из-под красных волос проступили тёмные рога, радужка глаз вспыхнула кровавым. На пальцах, лежащих на колене, выросли длинные, чёрные когти. А когда Айдан улыбнулся из-под верхней губы блеснули длинные клыки, слишком острые для человеческого рта.

Это длилось один удар сердца. Потом всё исчезло. Перед Тэтчером снова сидел безупречный джентльмен в тёмном жилете и рубашке с драгоценной брошью.

Но Джозеф видел. И теперь не мог отвести взгляд от Айдана.

— Вот кто я, мистер Тэтчер, — сказал Айдан низким голосом. — Я не прячусь за кафедрой и не читаю проповедей. Я прихожу и предлагаю. И я никогда не лгу. Всё, что я обещаю, —

исполняется. Хороший дом, лучшее лечение, частная школа для детей. За это нужно платить, — он склонил голову на бок, — но разве это не справедливо?

Он сделал паузу, смотря на погружающийся в сумерки город. От его сырости хотелось залезть глубоко в котёл и не вылезать пару столетий. Нужно было надеть пиджак.

— Насчёт преподобного... вы ведь понимаете, что он получает? — Айдан откинул прядь волос за спину. — Приход, репутацию, щедрое пожертвование от тех, кто боится Ада. Он не рискует ничем. У него всё есть, и он пугает вас, работа у него такая. А я предлагаю вам выбор, настоящий, тот, который делают мужчины.

— Но... — Тэтчер сглотнул, не в силах оторвать взгляд от его глаз. — А если муки начнутся сразу? Преподобный Эдвард сказал...

— Харрингтон сказал, — перебил Айдан, — что вы получите богатства и тут же их лишитесь. Что вас обманут. Скажите, мистер Тэтчер, вы знаете хоть одного человека, который заключил сделку с «Альма Трейд» и остался ни с чем? Сколько вы отстояли в очереди, чтобы вас приняли? Почему думаете столько людей желают попасть к нам, а не к кому-то другому?

Тэтчер замаялся.

— Но...

— Но Харрингтон сказал. — Айдан покачал головой. — Он говорит это всем. Потому что если вы подпишете, он потеряет прихожанина, человека, который обязательно купит свечку и крестик в лавке в сотый раз. А если не подпишете — это будет поводом для новой пафосной проповеди в воскресенье. Ему выгодно, чтобы вы страдали. Я же предлагаю вам выход. Уже завтра врач осмотрит вашу жену. Через неделю долги будут закрыты. Через месяц дети пойдут в школу.

Айдан поднялся, прекращая разговор и надевая плащ.

— Я не буду забирать вас здесь. Есть место, где вы любите бывать, пойдём туда. Собирайтесь.

Тэтчер смотрел на него, как кролик на удава.

— Откуда ты...

— Это имеет значение?

Джозеф поднялся и поковылял к своей куртке.

Ветер дул с моря, заполняя ноздри запахом соли и дыма. Айдан шёл впереди и не обмолвился ни единым словом, пока они не пришли к нужному месту — восточному пирсу.

Одинокая скамья, стоящая перед пирсом, заскрипела под весом Тэтчера. Тот, сгорбившись, уставился на тёмные волны.

Айдан сел рядом, в попытках увидеть то же, что разглядывал Джозеф. Но внутри демонического тела не всколыхнулось ничего, кроме желания поскорее вернуться в Ад. Они сидели молча минуты две. Джозеф начал дрожать — то ли от холода, то ли от страха.

— Это моё место, — промолвил он. — Я приходил сюда успокоиться. Смотрел на воду и думал: где-то там, за горизонтом, есть другая жизнь. Где мне не нужно считать пенни. Где жена здорова. Где дети смеются.

— Хорошее место, — согласился Айдан, мысленно считая секунды.

— Вы придёте за мной? — Тэтчер повернулся к нему. В глазах стояли слёзы. — Прямо сейчас?

— Я уже здесь, — мягко ответил Айдан. — Если будете сопротивляться, будет больно. Душа, которая держится за тело, рвётся, как мокрая ткань. Это неприятно.

— А если я не буду? — прошептал Тэтчер.

— Тогда всё пройдёт быстро. Вы просто закроете глаза и... всё. — Айдан помолчал. — Ваша семья получит всё, что я обещал. Я прослежу лично.

Здесь Айдан солгал. Лично он никогда не возвращался к семьям забранных душ. Обычно Несс просто кидала папку с отчётом ему на стол, и Айдану было достаточно предложения о том, что «сделка прошла успешно».

Тэтчер долго смотрел на воду. Потом закрыл глаза.

— Я устал, — сказал он. — Я так устал, мистер Флеминг.

— Знаю, — тихо ответил Айдан. — Все устают. Это нормально.

Он положил руку на плечо Джозефа. Тот вздрогнул, но не отстранился. Айдан закрыл глаза и позволил своей сущности подняться на поверхность.

Душа поддалась. Тихо, без сопротивления, как будто только и ждала разрешения уйти. Она поднялась из тела мужчины — тусклая, серая, уставшая, — и Айдан вытащил её длинным когтем, сжал, почувствовал её вес.

Джозеф обмяк на скамье. Голова упала на грудь. Лицо разгладилось, он выглядел почти умиротворённым.

Айдан посидел рядом ещё минуту, потом встал, поправил плащ и пошёл прочь, оставив тело на скамье.

Ещё одна единица в списке, ещё один человек, который не нашёл иного выхода.

Вернуться в Ад было приятно. Жар и духота мгновенно согрели Айдана. Он даже успевал на кофе.***

Несс стояла у окна, глядя колыхающиеся ветви вяза.

— Ты показал ему истинный облик, — она выдохнула дым из носа. — Зачем? Тебе нужно было только успокоить его и забрать душу.

Айдан достал из портсигара тонкую сигарету и поджёг её кончиком пальца. Это не доставляло ему никакого удовольствия, но табак в Аду был иным: при затяжке он проникал в глубь, словно сам этот мир заполнял тело. Иногда это помогало от усталости и напоминало о том, насколько они отличаются от людей. Те искали в куреве, как и в алкоголе одно: покой, свободу, а демоны сигаретами напоминали о том, что они принадлежат своему миру и иного исхода у них нет.

Ад проник слишком глубоко. Ад и есть ты.

— Да, он мог умереть, увидев мой облик, но этого не произошло. Ему нужна была честность, я её дал. Харрингтон — лицемер.

— Думаешь? — Несс поправила кулон, лежащий на груди. — Может быть он действительно верит, что готов спасти свою паству.

Айдан пожал плечами, скидывая пепел от сигареты в окно.

— Тогда ему нужно спасать тех, кто ещё только думает заключить контракт, а не тех, кто уже обречён.

Несс согласно кивнула.

— Мы могли бы с ним поработать.

Айдан вскинул бровь. Несс снова оглянулась, проверяя, не подслушивает ли их кто-то.

— У нас контрактов на месяцы вперёд, Айдан. — Она устало вздохнула. — Да, мы строим новые склады, наши филиалы открылись даже на восьмом круге, но это временная мера. Я даю нам год, может полтора в таком режиме. Потом... — Несс облокотилась на рейку окна и выглянула на улицу. — Будет война. Аду требуется расширение. И если Он не захочет этого делать, боясь гнева папаши, то нам всем придётся достать доспехи и вспомнить тёмные времена.

В Аду никогда не было войн. Было восстание на Небесах тысячи лет назад, когда Ада ещё не существовало. Несса говорила о том, что они вспомнят былое, но ни она, ни он, ни даже Грегор не участвовали в этой древней битве. Они не были готовы к этому. Никто не готов.

— Если мы будем шуметь, верхушки нас не пожалеют. Они и так на пределе. — Несса поджала губы. Айдан, кажется, впервые видел на лице демоницы страх. — Им будет достаточно пары легионов, чтобы почистить нас. Души будут уничтожены. *Мы* будем уничтожены.

Айдан представил белокрылых существ в золотых доспехах с копьями и мечами. Будет слишком много света, слишком много крови. По спине пробежал холодок.

— Возвращаясь к Харрингтону. — Несс вдруг из неоткуда достала папку и протянула Айдану.

Он раскрыл бумаги. Внутри лежало стандартное извещение о купле-продаже души.
30-ое августа, 1857 год.

Мишель Харрингтон, двадцать три года.

Желательная дата и место подписи контракта: Лондон. 15 сентября 1857 год.

Дочь преподобного Эдварда Харрингтона, пастора церкви Святого Михаила.

Душа будет передана в полное распоряжение Ада. Срок изъятия — до конца текущего месяца.

Айдан перечитал дважды. Извещение было подписано две недели назад.

— Дочь священника, — медленно произнёс он.

— Ты бы видел моё лицо, когда это передали, — усмехнулась Несс. — Дочка готова продать душу добровольно. Полный комплект документов. Всё чисто.

— За что?

— Хочешь встретиться с ней? — не дав ответа, спросила она.

Глаза Айдана загорелись красным. Он хотел, ещё как! Что это за искушённая душа такая? И это отпрыск Харрингтона? Служители церкви и их дети попадали в райские сады без очереди, если те, конечно, во время жизни никого не убили или не изнасиловали на священном алтаре. Неужели преподобный настолько был занят службами, что не уследил за дочерью? Что она попросила взамен?

В Лондоне церковь всё ещё имела вес, несмотря на популяризацию продажи душ. Айдан часто выполнял задания в столице, но осенью там начинался сезон дождей и ему совсем не хотелось мочиться в этом городе.

— Будешь брать? Я специально попросила распределить её к нам, но забыла о времени года наверху. Подобраться к Харрингтону, заключить пару сделок... Может, Патрик из сорок пятого отдела подойдёт, у него тоже смазливое личико.

— У меня не смазливое личико, — огрызнулся Айдан, сильнее сжимая папку в руках. — И я беру это дело.

— А что будешь делать с дождём?

— Продам душу, чтобы надо мной всегда светило солнце. — Айдан усмехнулся, а Несс закатила глаза. Потом ответил серьёзно: — Куплю себе зонт.

Глава 2. Не произноси имени Господа всуе

«Утешайтесь надеждою; в скорби будьте терпеливы, в молитве постоянны»
(Рим.12:12)

Мишель

Гэмпшир, Юго-Восточная Англия.

Шестьдесят. Шестьдесят один. Шестьдесят два.

Кресты на кладбище возле церкви закончились, и Мишель устало потянулась. Отлично, в этом месяце никто не умер. Ей не нужно пополнять список умерших, за которых она будет молиться в субботу на службе.

Мишель дотронулась до холодного чугунного креста. Могила была свежей, её туфли проваливались в землю, словно мёртвые желали поскорее забрать к себе. Мишель посмотрела на новую табличку с выбитой датой: «09.04.1765-18.10.1844».

Филиппа скончалась прямо в церкви — это была первая смерть, которую Мишель увидела в своей жизни. Она до сих пор помнила её морщинистое лицо в вязанном платке и то, с каким ужасным криком та умерла, схватившись за сердце. Соседские мальчишки говорили, что Филиппа стонет, но никто её не слышит, говорили, что её лицо едят черви. Мишель не верила в это, но когда во сне увидела гнилое, как яблоко, лицо старушки, из которого вылезали насекомые, стала молиться Богу за то, чтобы Филиппу съели побыстрее и ей было не так больно.

— Мишель, Мишель милая, иди сюда! — мамин голос заставил отвлечься от мыслей о Филиппе.

Мишель подняла полы серого платья и побежала к маме. Она сидела на скамейке и заплетала Софи косичку. Сестре Мишель было всего четыре, поэтому она ещё не умела делать причёски. Будучи взрослой десятилетней девочкой Мишель гордо крутила тугой косой, которую сплела сама без помощи мамы.

— Ну вот, опять насобираала грязи на туфли, — вздохнула мама, смотря на ноги Мишель. — Отец будет недоволен.

Девочка принялась оттирать землю о траву.

— Папа! — визгнула Софи, вспомнив про отца.

— Да, мы идём к папе на исповедь, — мама закончила плести косу Софи и повернула её к себе лицом. — Помнишь, что скажешь?

Софи кивнула. Формулировать грехи они учились раньше, чем читать. Мишель помнила свою первую исповедь, ох, как же она тогда боялась! Она завидовала сестре, которая ходила под руку с мамой. Мишель уже давно запретили посещать с ней исповедальню.

Мама взяла Софи за руку, и они направились к церкви. Мишель поплелась следом, опустив голову. Туфли всё ещё были в грязи, но она надеялась, что отец не заметит.

Церковь Святого Григория была старой — отец говорил, что её построили ещё два века назад. Мишель знала здесь каждый камень, каждую трещину в витражах, каждую скамью. Она помнила, как пахнет воск, как скрипят половицы под ногами, как в холодные дни изо рта идёт пар и висит в воздухе, словно призраки святых.

Внутри всегда стоял полумрак, даже в полдень. Свет пробивался только через узкие окна с цветными стёклами, и Мишель всегда казалось, что они стояли на дне колодца. У алтаря горели свечи — их зажигали каждое утро, и Мишель иногда думала, кто это делает так рано. Может, сам Бог, может, ангелы, а может, отец.

Скамьи были тёмные, отполированные сотнями тел. Мишель знала, что если долго сидеть на одной из них, колени начинают ныть, а спина затекает. Но жаловаться нельзя. Жаловаться — грех, особенно в церкви.

Они подошли к исповедальной будке. Это был тёмный деревянный ящик в углу, с занавеской вместо двери и решётчатым окошком. После похорон Филиппы Мишель поняла, что исповедальня похожа на гроб. Только в гробу все лежат, а здесь нужно было сидеть, иногда даже стоять на коленях, и говорить всё плохое, что она сделала и подумала.

Мама подтолкнула Софи вперёд. Сестра засеменила к будке и они с мамой скрылись за занавеской. Мишель осталась стоять рядом с другими прихожанами, глядя на свечи.

Из исповедальни послышался приглушённый голос Софи — она лепетала что-то про непослушание и про то, что стащила конфету. Мишель вздохнула. Ей тоже когда-то казалось, что грехи — это что-то простое. Непослушание, ложь, воровство. Потом она узнала, что грех — это вся твоя жизнь. Любые думы, чувства и действия, которые могли оскорбить Господа — были грехом. Например, глупая улыбка, желание поспать подольше или плохие мысли. Мишель не понимала, как она может ничего не делать, ничего не чувствовать и ни о чём не думать одновременно. Отец говорил, что таких людей называют святыми. Но Мишель точно знала, что она никакая не святая.

Софи вышла из исповедальни с красными глазами. Мама гладила её по голове и вела к скамье.

— Теперь ты, — сказала она тихо Мишель.

Мишель подошла к исповедальне. Отодвинула занавеску, опустилась на колени. Внутри было темно, пахло старым деревом и ладаном. Через решётку она видела силуэт отца. Он сидел неподвижно, как статуя.

— Я слушаю, — произнёс он ровным голосом. Никакого тепла, никакого намёка на то, что разговаривает с дочерью.

Но всё правильно. Отцом он был дома, здесь он проводник между грешницей и Богом. Мишель сглотнула.

— Я каюсь в том, что... — она запнулась. — Я каюсь в том, что переживаю... Меня посещают плохие мысли о здоровье мамы.

Тишина. Долгая, давящая. Мишель слышала, как бьётся её собственное сердце.

— Волнение — это грех, — сказал наконец отец. — Ты сомневаешься в воле Божьей. Ты думаешь, что твоя тревога поможет больше, чем молитва? Ты ставишь себя выше Господа?

— Нет, я...

— Молчи.

Мишель замолчала. Слезы сами собой подступили к глазам, но она собрала все силы, чтобы не всхлипнуть. Плакать — тоже грех, это роптание. Как же она не любила исповеди.

— Ты должна молиться, — продолжил отец. — Молиться, а не изводить себя пустыми мыслями. Твоя мать жива по милости Божьей. И если Богу будет угодно её забрать, ты примешь это со смирением, поняла?

— Да, отец.

— Тебе ещё есть, что сказать?

Мишель молчала, предательская слеза всё же скатилась со щеки. Она едва сдерживалась, чтобы не разрыдаться на всю церковь. Мишель не хотела, чтобы Бог забирал маму! Считалось ли это грехом? Она шла против воли Господа?

— Коли нет — ступай. Я буду молиться, чтобы Он отпустил твои грехи.

Мишель вышла из исповедальни на дрожащих ногах. Мама посмотрела на неё с тревогой, но ничего не спросила. Просто взяла за руку и повела к скамье.

Началась служба.

Мишель сидела между мамой и Софи, глядя на алтарь. Свечи горели ровно, отец читал молитвы. Голос его разносился под сводами церкви, отражался от стен, заполнял всё пространство. Мишель слушала, но не слышала. Она думала о маме. О том, как та хватается за сердце

по ночам. О том, как бледно её лицо, о её мешках под глазами — такие же были у Филиппы. *Мёртвой* Филиппы.

И вдруг мама пошатнулась.

Мишель почувствовала это раньше, чем увидела. Она обмякла, сползла на скамью. Голова её запрокинулась, губы побелели.

— Мама? — Мишель начала трясти её. — Мама!

Софи заплакала. Кто-то из прихожан обернулся. Отец прервал проповедь, посмотрел на них с алтаря. В его глазах не было тревоги — только раздражение.

Дома было холодно. Мужчины из прихода донесли маму до дома, уложили на кровать, и она лежала без движения, бледная, как восковая свеча. Мишель и Софи сидели рядом, держась за руки. Слёзы текли по щекам, и они не успевали вытирать их.

Они жили рядом с церковью, но ближайших врач жил на другой стороне графства. Даже на лошадях дорогая была неблизкой.

Мишель хорошо слышала, когда отец вернулся со службы. Он спокойно поел, переоделся и даже не соизволил провести жену с плачущими дочерями.

Через три мучительных часа наконец пришёл врач. Он долго слушал маму, щупал пульс, смотрел в горло. Потом вышел в коридор, где ждал отец.

Мишель подкралась к двери. Она знала, что подслушивать — грех, но ей было всё равно.

— Это разрыв сердца, — сказал врач. — Без профилактики после ещё пары-тройки таких случаев она может не очнуться.

— И сколько у нас времени?

— Трудно сказать. Здесь она точно обречена. Возможно, есть надежда на врачей из Лондона.

Мишель вернулась к кровати. Села рядом с Софи, взяла мамину руку.

— Боже, — прошептала Мишель. — Боже, зачем ты так с нами?

— Господи, я не хочу, чтобы мама умела! — Софи снова заплакала.

Может, это Мишель и виновата? Она недостаточно молилась. *«Не искренне»*, как любил повторять отец.

Дверь открылась. Отец вошёл в комнату, лицо у него было каменное, с какой-то ужасной тенью, словно сам дьявол захватил его тело.

— Что вы тут устроили? Кто вам разрешил плакать?

Софи всхлипнула.

— П-папа... Мама стладает!

— Встали. Обе.

Он схватил сестёр за руки и вывел из комнаты. Мама осталась лежать одна.

На кухне отец рассыпал на пол гречу. Крупа разлетелась по половицам, жёлто-коричневая, мелкая, как песок.

— Софи, — сказал он. — В угол. На колени. Будешь молиться, пока я не разрешу встать.

Софи, не понимая в чём провинилась, пошла в угол. Но когда она уже почти опустилась, отец остановил её.

— Сначаланими колготки. Потом вставай.

Сестра захныкала и начала спускать с себя колготки, оголяя розовые колени. Мишель наказывали так один раз за пропуск службы несколько лет назад. Она всё ещё помнила окровавленные руки мамы, которая выковыривала из её ран крупу.

Софи села на россыпь, сначала она ничего не почувствовала, но стоило ей осесть полностью, изо рта вырвались ужасные вопли. Её слёзы капали на пол, смешиваясь с крупой.

Отец повернулся к Мишель, словно не слышал, как кричит от боли младшая дочь.

— А ты, — сказал он громко. — Ты понимаешь, что произнесла имя Господа всуе? Да ещё и сестру научила!

Мишель замерла. Неужели отец разозлился из-за такого пустяка?

— Я... я не...

— Ты сказала «боже» не в молитве, а в причитании. Это нарушение третьей заповеди. Ты понимаешь это?

— Я не хотела...

— Ты не хотела, — повторил он. — Ты никогда ничего не хочешь, но почему-то делаешь. Я очень разочарован тобой, Мишель. Ты думаешь только о себе, а где смирение? Где вера?

Он поднял руку. Мишель даже не успела зажмуриться.

Удар обжёг щеку. Пощёчина оказалось такой сильной, что она упала. Ударилась плечом о половицу, и в ушах зазвенело. Звон был высокий, тонкий, как церковный колокол, который звонит по утрам и вечерам, созывая прихожан. Мишель лежала на полу, среди рассыпанной гречки, и слушала этот звон. Он заполнял всё, был везде. Во рту появился металлический вкус от прокусанного языка.

— Где твоя вера, Мишель?!

Отец стоял над ней. Она видела его ботинки. Чёрные, начищенные до блеска.

— Иди к сестре. И не смейте подниматься пока я не разрешу. Молитесь, дочери мои, просите прощение у Господа, молитесь о здоровье вашей матери.

И он вышел.

Мишель поднялась, ноги дрожали. Она медленно подошла к углу, где сидела Софи. Сестра всё ещё плакала, но уже не кричала, только поджимала губы. Мишель стянула белые кружевные колготки, подаренные мамой на день рождения, и встала на крупу, сжимая зубы. Сестра взяла её за руку, прижалась всем телом.

Они стояли на крупе, которая беспощадно резала их колени, впивалась в плоть, и тихо плакали, смотря в стену. В ушах Мишель всё ещё звенел колокол.

Это был первый раз, когда отец её ударил.

Это был первый раз, когда маленькая Мишель поддала сомнению свою веру.

Глава 3. Блаженны кроткие

«Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне». (Мф. 10:28).

Айдан

Лондон встретил его густым и влажным туманом. Айдан вышел из лифта в переулке возле Темзы и мгновенно продрог. Всё-таки пиджака, жилета и рубашки было недостаточно, чтобы согреться в такое время года. Позже он обязательно купит себе хорошее пальто.

Пахло предстоящим дождём, и тучи, нависшие над городом, не предвещали ничего хорошего.

Несмотря на погоду, можно было сказать, что Айдану нравился Лондон. Рядом с новыми особняками из светлого камня жались трущобы, где в одной комнате могло ютиться по десять человек. Дамы в шёлковых платьях прогуливались под руку с джентльменами в цилиндрах, а в двух шагах от них дети копались в мусорных кучах. Это был город контрастов. Почти что похожий на Ад.

Нужный дом он нашёл быстро. Трёхэтажный особняк на Саттон-стрит. Скромно, но с достоинством. Как и полагается священнику. Айдан прошёл мимо, отмечая детали. Ухоженный сад с пожелтевшими клёнами, карета без герба, старая служанка, выносящая мусор. Ничего такого, что кричало бы о внезапном решении мисс Харрингтон продать душу дьяволу. Хотя что он ожидал? Вывески в духе «здесь продали душу, потому что хотели вернуть убитого возлюбленного»?

Айдан мог бы пробраться в дом, порыться в комнате мисс Харрингтон, узнать, о ком она мечтает по ночам и подтвердить свои теории, но отчего-то от этой идеи ему стало ещё холоднее, словно внутри его ждал сам архангел Гавриил с мечом.

Желание согреться и записка от Несс, которую та оказывается запихнула в карман его пиджака, привели Айдана к церкви Святого Михаила.

«Сегодня воскресенье, службы идут до самого обеда. Не ходи в дом, иди сразу к церкви. Наши клиенты там».

Только Несс была не права. Клиент у них был один, точнее клиентка — Мишель Харрингтон. Эдвард интересовал их только потому, что мог немного сократить поток душ.

Признаться, идти против Марака и всех демонических принципов Айдану не хотелось. Где это видано, чтоб демоны просили священника наставлять души на путь истинный? Такие анекдоты не печатают даже в «The Times». Демоны искушают, иногда соблазняют и предлагают куда более интересные варианты, нежели «помолиться за день грядущий».

И всё-таки ситуация в Аду становилась критической. Речь шла уже не о карьере, а о банальном выживании. Если чистка всё-таки случится, некому будет забирать души, рухнет вся структура. И даже если они выживут... Кто будет строить новый мир на руинах?

Ад, место для грешников и их вечного страдания, превратился в склад. Проданные души не могли раскаяться и вознестись в райские сады, как обычные грешники. Они просто были, хранились, словно вещи на бесконечных полках.

Несс была права, точнее, она *всегда* была чертовски права.

Служба закончилась, прихожане расходились по домам, и сквозь блеклые лучи, пробивающиеся из-за туч, он увидел её.

Мишель Харрингтон вышла из боковой двери церкви с корзинкой в руках. Чёрное кружевное платье, каштановые волосы собраны в строгий пучок, лицо бледное. Она остановилась на крыльце, посмотрела на небо, потом на улицу, и что-то в её взгляде заставило Айдана заметить.

Она не выглядела как девушка, продавшая душу. Не было в ней ни отчаяния, ни злобы, ни той лихорадочной решимости, которую он привык видеть у клиентов. Мишель кротко улыбалась прощавшимся с ней прихожанам и перехватывала в руках корзинку. Ей явно было тяжело.

Вскоре, когда толпа разошлась, она пошла по улице, и Айдан последовал за ней на расстоянии. У него было желание перехватить эту чёртову корзинку, которая заставляла девушку согнуться, словно Квазимодо, но он боялся её спугнуть. Она завернула в переулок, потом ещё раз, и вскоре остановилась у старого здания с покосившейся вывеской — сиротский приют. Мишель постучала, дверь открыла женщина в переднике.

— Я принесла хлеб. — Голос мисс Харрингтон оказался тонким, сиплым, словно пять минут назад её душили. Она отдала содержимое корзины женщине. — И немного денег. Хватит на уголь до конца недели.

Хозяйка приюта начала благодарить, но Мишель уже уходила.

Айдан стоял в тени и смотрел ей вслед. Внутри что-то шевельнулось — не жалость, нет. Демоны не испытывают жалости. Скорее... недоумение. Мишель была похожа на ангела. Готовы ли ангелы самовольно отправиться в Ад на вечные муки? Ответ очевиден. Это не укладывается в привычную схему.

Он догнал её на следующем перекрёстке. Просто вышел из тени и оказался рядом, будто случайный прохожий.

— Мисс Харрингтон?

Она вздрогнула, обернулась. Вблизи он смог рассмотреть её бездонные, цвета кофе с молоком глаза.

— Вы меня знаете?

— Наслышан, — Айдан улыбнулся той самой кривоватой улыбкой, которая всегда работала не только на демонов, но и на простых смертных. — Я представляю определённые интересы, связанные с вашим недавним решением.

Она поняла сразу. Это было видно по тому, как напряглись её плечи, как пальцы сильнее сжали ручки корзины. Та была пустой, но, очевидно, всё ещё тяжёлой для девушки, которая едва держалась на своих двоих. Правда, виду она не подавала. Спина стала ровной, вздёрнутый нос тянулся к небу и к Айдану. Что уж взять, его волосы были такими же длинными как он сам.

— Вы из агентства. — Как ловко она избежала слово «дьявол».

— Из «Альма Трейд», — подтвердил он. — Меня зовут Айдан Флеминг. И я здесь, чтобы обсудить условия. Не *прямо* здесь, разумеется. Может быть, вы позволите угостить вас чаем?

Она молчала долго. Слишком долго для человека, который уже всё решил. Потом кивнула.

— Хорошо. Но недолго. Меня ждут дома.

— Конечно.

Айдан, не переставая улыбаться ловким движением перехватил у Мишель корзину. Она нахмурилась, но отбирать не стала. Он предложил ей свободную руку. Она не взяла. Перебор.

Они пошли рядом по улице в поисках ближайшей чайной. Мишель проявила инициативу и пройдя вперёд, указала на первое попавшееся заведение с выцветшей надписью «Чайная мадам Рэд». Айдан нервно сглотнул, но, сохраняя улыбку, кивнул.

Чай оказался отвратительным. Айдан пил его из вежливости, наблюдая, как Мишель держит чашку обеими руками, явно пытаясь согреть ледяные пальцы. Такие же были и у Айдана. Он пробыл в Лондоне чуть больше часа и уже желал вернуться в душный кабинет к крепкому кофе, болтовне Несс и сёстрам Бронте. Может, стоит взять отпуск после этого дела?

— Итак, — начал он, — вы согласились продать душу. Добровольно. Две недели назад. Сделка вступила в силу. По условиям будущего контракта, я должен забрать её до конца текущего месяца.

— Я знаю, — ответила она спокойно. — Я читала контракт.

— Тогда вы понимаете, что пути назад не будет, *особенно* после подписи.

— Понимаю.

Айдан отставил чашку. Это было не то, к чему он привык. Клиенты обычно плакали, умоляли, пытались торговаться, ну, или как минимум спрашивали о деталях контракта. А точно ли на них свалится мешок денег? Точно ли муж вернётся от любовницы?

Но Мишель просто сидела и смотрела на него, ожидая продолжения. В этот момент он заметил шрам поперёк её шеи, выглядывающий из-под воротника, словно кто-то когда-то пытался её зарезать.

— Не желаете поделиться историей? — спросил он, глядя не в глаза девушки, а на грудь. Не то чтобы его интересовали тела человеческой девушки... На её мерно поднимающейся, и всё-таки неплохих размеров груди, лежал увесистый, полный драгоценными камнями, серебряный крест. — Я, как собиратель душ, должен быть уверен, что вы не будете сопротивляться и точно понимаете, что делаете.

Она посмотрела на него долгим взглядом.

— Вас смутило то, что я дочь священника? — рука Мишель потянулась к кресту. — В отделе мне сказали, что проблем с этим не возникнет.

Айдан знал, как сильно хохотали потом сотрудники из Лондонского филиала «Альма Трейд». К ним пришла дочь пастора — для Ада это было сенсацией.

Но на деле... Айдан не удержался и вздохнул. Он мог соврать, придумать что угодно, но отчего-то ему захотелось сказать правду.

— Никаких проблем, мисс Харрингтон. Банальный интерес. Такие, как вы, понимаете ли, редко обращаются к нам. Точнее сказать — никогда. Для помощи у вас есть другие, скажем так, контакты.

Мишель сжала крест в руке так сильно, что её костяшки побелели.

— Я двадцать три года, каждый день, сколько себя помню, молилась этим контактам. Но Небеса глухи к моим молитвам. Поэтому я обратилась к вам, мистер...

— Флеминг. Айдан Флеминг. — Напомнил он.

— Мистер Флеминг, — она надела перчатки, поднялась, накинула плащ. — Боюсь, что не удовлетворю ваш интерес.

— Почему? — Айдан глупо смотрел на неё.

Следующую минуту он, едва поспевая бросить пару пенни за чай официанту, побежал следом за уходящей девушкой.

Мишель шла дальше, игнорируя его.

— Я вас чем-то задел? — Айдану не составило труда обогнать её и перегородить путь.

— Мистер Флеминг, вас явно забавляет моя история. — Она опустила взгляд и спохватилась. Корзинка осталась в заведении. — А я не привыкла быть шутом.

Мишель развернулась, чтобы вернуться в чайную, но Айдан снова встал на её пути.

— Мистер Флеминг... — начала злиться девушка. На её лице появились красные пятна, а тонкие губы сжались в линию.

Айдан выставил руки в примирительном жесте.

— Я не собираюсь смеяться над вами. Мне действительно интересно, что толкнуло вас на этот шаг.

Мишель закатила глаза. В этот момент она показалась Айдану почти что... Дерзкой? Этим словом можно было описать Несс, суккубов на втором круге, но никак не ангела, стоящего перед ним. И всё же этот жест понравился ему. Словно девушка впервые за долгое время сбросила маску невинности.

— Мисс Харрингтон... — Айдан сложил руки, словно собирался прочесть молитву. — Вы же тоже слышали о том, что Ад переполнен? Мы не справляемся с переработкой душ. Именно поэтому я здесь. Ваша душа явно принадлежит Раю с самого вашего рождения. И я

не могу допустить, чтобы мой мир, мой дом лопнул от таких, как вы. Возможно вы не видите иного выхода в ситуации... Но вдруг он есть?

— Сомневаюсь, — отрезала она, вновь хватаясь за крест. — И разве не вы двадцать минут назад твердили о том, что назад пути нет?

Айдану захотелось отрезать себе язык. А ещё ему стоило прочесть вторую и третью страницы в папке, где совершенно точно и ясно Несс расписала все детали. Но интерес взял верх и теперь ему приходилось оправдываться перед человеком.

— Контракт ещё не подписан, — Айдан потому и поднялся, основная его задача была подпись и забор души, по крайней мере так он напишет в отчёте. — До конца месяца ещё две недели.

Мишель сглотнула, повернула голову в сторону, туда, где умывался бродячий кот. Стоило животному замереть и посмотреть прямо, как Айдан сразу узнал его — это оказался Маффин. Однажды он притащил Айдану золотую цепочку. Сегодня Маффину повезло поймать и слопать воробья.

— Хотите узнать мою историю? — Мишель подняла на Айдана полный решимости взгляд.

Айдан кивнул, тут же забывая о знакомом коте.

— Тогда приходите после десяти вечера в нашу церковь. Точнее... к её воротам. Вы же не можете войти.

— Мне есть, чем вас удивить, мисс Харрингтон, — улыбнулся Айдан. Мишель только снова сглотнула.

— Принесите мне корзину, затем подпишем контракт.

— Хорошо, — Айдан не собирался ничего давать ей подписывать, пока не узнает всю историю. И не из папки Несс, а из блеклых тонких уст Мишель Харрингтон.

Ад встретил его привычным гулом. Лондонский филиал ютился на границе второго и третьего круга, в здании, которое снаружи выглядело как обычный доходный дом, а внутри растягивалось на километры коридоров. Айдан не пошёл к себе, пробираться через суккубов не было желания.

Он направился напрямик в котельную, к самому стыку кругов, разлому, где открывался вид на бурлящую лаву. Айдан сел на каменную скамью, вытянул ноги, впитывая тепло. В его руках была чашка кофе. Правда кофе в этом районе варили такой же отвратительный, как и чай у Мадам Рэд.

Айдан всё равно допил чашку, чтобы согреться изнутри и скурил сигарету.

Вечером он поднялся обратно, успел забежать в магазин одежды до закрытия и выбрать пальто. Самое тёплое из возможных — чёрное, из плотной шерсти и тяжёлое, почти до щиколоток, с высоким воротом — то, что нужно.

Ночь встретила его холодом. Настоящим, кусачим, не таким, как днём. Из рта шёл пар — Айдан всегда находил это забавным. Дыхание, как у человека.

Церковь стояла на окраине Гэмпшира, куда он добрался к десяти. Вблизи она оказалась ещё больше, а ночь накинула на неё таинственности. Массивные каменные стены, высокая колокольня, витражи святых, тёмные изнутри, но всё равно угадывающиеся по очертаниям. Ворота были приоткрыты.

Айдан постоял минуту, вглядываясь в темноту за оградой. Потом толкнул створку и вошёл.

Внутри церкви было просторно. Высокие своды терялись в полумраке, скамьи стояли ровными рядами, алтарь в глубине мерцал свечами. Пахло воском, ладаном и почему-то мокрой тряпкой. Айдан поморщился от ладана, даже собирался чихнуть, но вовремя почувствовал на себе чужой взгляд.

По середине церкви, в проёме между лавочек, стояла хрупкая, почти сливающаяся с убранством девушка. Серое платье, серые стены, серый полумрак — она была как часть этого места. В руках — швабра. Полы платья были закреплены чуть выше колен, открывая тонкие щиколотки и чёрные чулки. По бледному виску стекала капля пота.

Мишель уставилась на Айдана так, будто он был самым Господом Богом, вошедшим внутрь.

— Ты как... — Она осеклась, сильнее прижав к себе ручку швабры. — Вы разве можете заходить в такие места?

Айдан улыбнулся.

— Могу, — он подошёл ближе. — Если очень захочу. Освящённая земля — словно кислота для слабых демонов. Для таких, как я, — просто неприятный запах, иногда может кружиться голова. Но терпимо.

Он дошёл до передних скамей и сел на край. Положил ногу на ногу и подпёр рукой щеку, поставив локоть на спинку лавки спереди. Айдан пожалел, что не собрал волосы в хвост. Прясть упала на лоб, закрывая обзор. Он сдул её, но она вернулась. Мишель всё ещё смотрела на него. Швабра в её руках дрожала.

Айдан скользнул взглядом ниже. Заметил синяки на её запястьях. Круглые, тёмные, будто от верёвки.

— Я думал, что священник такого уровня, как ваш отец, может позволить себе пару служанок. И я более чем уверен, что среди прихода полно желающих убраться в церкви после службы бесплатно. Послушание от пастора тоже своего рода искупление, по крайней мере, так многие думают. Так почему вы занимаетесь этим?

Мишель проигнорировала его — она озиралась по сторонам.

— Где моя корзина?

Айдан удивлённо уставился на неё. Это было единственным, что волновало её? Он щёлкнул пальцами и корзина появилась у ног Мишель. Девушка вздрогнула, но не закричала. Успокоилась слишком быстро для той, кто впервые видит силу демона.

— Благодарю. — Она подняла корзину и поставила на ближайшую лавку.

— Вы же не собираетесь продолжать? — вопрос Айдана оказался риторическим. Мишель уже продолжила оттирать пол от засохшей грязи, отпавшей с ботинок прихожан.

— Я не бессмертная, чтобы позволить себе бездельничать, мистер Флеминг, — она не отрывалась от тряпки и пола. Нагнулась так низко, что Айдан не мог разглядеть выражение её лица. — Мне нужно закончить работу...

Айдан закатил глаза и поднялся. Он развёл руки в стороны, и на миг церковь поглотила яркая красная вспышка, словно беззвучный взрыв.

Мишель зажмурилась, прикрыла лицо руками и, когда свет отступил, открыла глаза.

Церковь преобразилась: пол засверкал, словно новый, лики святых на витражах стали ярче, Айдан не поленился убрать даже паутину на потолке и прилипшие к пресвитерию¹ капли воска.

Затем, как самый настоящий искушитель, протянул руку.

— Вам так нравится всё забирать? — девушка покорно протянула ему рукоять швабры и, опустив полы платья, села на край лавки напротив Айдана. — Души, корзины, работу.

Признаться, Айдану хотелось, чтобы она хотя бы чуть-чуть изобразила удивление. Да, люди знают о существовании Ада и Рая с незапамятных времён, но существа потусторонних миров редко показывают свои способности, да и самих себя, собственно. Создавалось впечат-

¹ (от греч. πρεσβυτέριον — «собрание старейшин», лат. presbyterium — «место для избранных») — грубо говоря, возвышение перед алтарём. Здесь и далее примечания автора.

ление, что эта девушка каждый день видит, как вещи сами собой появляются и исчезают, а зубы ей чистят ангелы.

— Мне вернуть всё как было? — Айдан наигранно посмотрел по сторонам и вытянул руки, словно собирался применить силу.

— Не нужно, — быстро ответила Мишель. — Благодарю.

Она снова схватилась за крест на груди. А Айдану захотелось её раздеть. Не для того, о чём можно подумать. Он хотел знать, сколько ещё шрамов и боли скрывает это тело. От отблесков свечей Мигель стала похожа на восковую куклу.

— Какова цена вашей души? — тихо спросил Айдан. — Ради чего вы пошли на этот грех?

Мишель положила руки на колени, смяла в ладонях складки платья.

Они сидели друг напротив друга, разделяемые небольшой дорожкой, ведущей к алтарю. К освобождению и прощению всех прегрешений. Но демону и человеку, продавшему душу, уже никогда не получить искупление.

Рай временно закрыт, приходите в другой жизни, хорошего дня.

— Все демоны такие? — Мишель наклонила голову, изучая его.

— Какие? — Айдан хоть и согрелся в церкви и даже по привычке к зудящему носу, но его терпение начинало трещать по швам.

— Красноволосые, пытаются играть в джентельменов и моют полы.

— Я не мыл пол, — скривился Айдан. — Просто отправил всю грязь этого здания в недра Ада. — Он откинул волосы за спину. — А касаясь остальных: могу сказать, что вам повезло, мисс Харрингтон. Такого, как я, ни в одной точке Вселенной вам не найти.

— Вы ещё и скромны. — Она наконец улыбнулась. Напряжение начало спадать, хрупкие плечи опустились.

— Не без этого, — Айдан расстегнул и стянул с себя пальто, свечи делали своё дело и грели не хуже печи. — Как там поётся? Блаженны кроткие?

— Ибо они наследуют землю, — продолжила Мишель. — Всегда было интересно, работают ли эти молитвы. Судя по тому, что демон может спокойно их зачитывать, не особо.

— И, полагаю, с вами они тоже не сработали? — Айдан желал вернуться к разговору о проданной душе. Казалось, что ещё немного болтовни о его волосах или церкви и он забудет, что является Айданом Флемингом — лучшим сотрудником «Альма Трейд» и в первую очередь собирателем душ.

Он чувствовал, как где-то внизу одна демоница уже кусает локти от переживания. Несмотря на то, что все дела Айдана заканчивались успешно, Несс тревожилась всякий раз так, будто он делал это впервые.

Мишель молчала. Айдан знал, что с такой, как она нельзя торопиться, но ему очень хотелось сделать что-то, чтобы развеять эту блаженную тишину, узнать историю отчаявшийся души и поскорее убраться из святого места. Он прочистил помещение, но запах ладана, который спустя столько служб уже въелся в стены, всё ещё щекотал нос.

— Мисс Харрингтон... — он почти простонал её имя, но она не дала закончить фразу.

— Мишель. Не хочу слышать эту фамилию. К чёрту формальности. — Она спохватилась, закрыла губы пальцами и посмотрела на алтарь, словно прося прощения. Потом повернулась к Айдану. Её взгляд переменялся, стал строгим, холодным. Айдану захотелось натянуть пальто обратно.

— Мишель, — произнёс он, ломая стену между ними. Это выходило за рамки работы. С другой стороны... — Зови меня Айдан.

К чёрту формальности.

— В детстве я считала, что дьявол живёт в Аду. Я думала, что если буду молиться и вести праведную жизнь, никогда его не встречу. — Она свела руки в замок, начала поглаживать

большие пальцы друг о друга. — Но он всегда был рядом. Так близко, что вырваться из его лап было невозможно.

Айдан всё понял. Синяки, шрам на шее, запуганность. Кто-то очень постарался над тем, чтобы превратить эту девушку в размазню. И теперь он знал, *кто* именно.

— Самое ужасное и беспощадное существо поднялось из глубин тартара, обрело плоть и приняло облик Эдварда Харрингтона.

Глава 4. Чти отца и мать

«Если кто приходит ко Мне и возненавидит отца своего..., тот не может быть Моим учеником» (Лк. 14:26)

Мишель

Мишель ненавидела своего отца столько, сколько себя помнила. В детстве она думала, что любит его, но чем старше становилась, тем тяжелее ей было молиться Богу за его здоровье и долгую жизнь.

Стоило маме ослабнуть, как Эдвард не раздумывая, передал дочерей на попечение монахиням в воскресной школе. Софи и Мишель часто оставались там ночевать, когда выполняли недостаточно качественно свои задания. Рёбра ныли от сна на узких лавочках, но показывать усталость было нельзя.

Они пели в хоре, разбирали на уроках евангелие, учили древнегреческий и латынь, а также помогали в лазарете.

Софи, будучи младше на шесть лет, ещё находила радости в бесконечных уроках и игре на клавишах. Она стойко держалась, даже когда голос срывался, а язык заплетался. Софи выносила всё, даже постоянные наказания с чёртовой гречкой не сломили её дух. Она продолжала улыбаться. Мишель завидовала сестре.

Её сломали быстрее.

Со старшей сестрой отец не церемонился. Когда матери становилось совсем худо, она запиралась в комнате наедине с молитвословом и свечой, пока истинная натура Эдварда брала над ним верх.

Спустя пару лет Мишель выучила большинство наказаний лучше молитв. Знала их порядок, их вес, их запах.

Гречка была самым частым, за мелкие проступки, вроде мыслей вслух. Отец рассыпал крупу по полу кухни или коридора — ровным слоем, чтобы не было проплешин, — и ставил провинившуюся на колени. Софи отпускали раньше, а вот Мишель, как старшая, должна была держать спину прямо. Если она горбилась или опускала руки, отец молча добавлял ещё горсть крупы, и гречка впивалась в колени острыми гранями. Час. Два. Три. Иногда до рассвета. Утром крупу нужно было собрать — по зёрнышку, вручную, и просеять через сито, чтобы ни одна не пропала.

«Хлеб — дар Божий. Не смей разбрасываться тем, что Он дал».

Перчатки были за грязную посуду или неубранный вовремя стол. Отец надевал старые кожаные перчатки — те, что носил в саду, — и бил по раскрытым ладоням. Раз. Два. Три. Считал вслух, ровно, без злобы, будто читал псалом. Ладони краснели, вспухали, иногда трескались. Мишель ненавидела перчатки больше, чем гречку. Гречка оставляла следы на коленях, которые можно было спрятать под платьем. Потому уже в двенадцать она стала носить перчатки, словно благородная дама.

Плети были редкостью. Только за тяжёлые проступки. Опоздание на службу. Непослушание на людях. Слишком громкий плач, который могли услышать соседи. Отец запирали её в кладовой — тёмной, тесной, с мешками муки и висящими на крюках окороками. Плети висели там же, на стене, кожаные, с узелками на концах. Он бил по спине, по плечам, по бёдрам — туда, где скрывала одежда. Мишель кусала губу и считала. Один. Два. Три. До двенадцати. Потом отец уходил, и она оставалась лежать на холодном полу кладовой, вдыхая запах муки и старого мяса.

Молчание было самым страшным. Отец мог не разговаривать с ней днями. Не смотреть. Не замечать. Проходить мимо, словно мимо мебели. Тогда Мишель начинала говорить сама — просить прощения, обещать исправиться, умолять. Он не отвечал. И это было хуже плетей.

Пост был наказанием для души и мог случиться в любой момент, даже когда Мишель вела себя идеально. Отец забирал у неё ужин — или обед, или и то и другое, — и она ложилась спать голодной.

«Тело должно страдать, чтобы душа очистилась».

Мишель лежала в темноте, слушала урчание в животе и думала о еде. О хлебе. О сыре. О яблоках, которые росли в саду за церковью, но были запретны, потому что предназначены для продажи.

Свеча была наказанием для ума. Это когда Мишель совершала ошибку в молитве на латыни или путала события Ветхого и Нового Завета. Отец ставил перед ней горящую свечу и велел смотреть на пламя, не отводя глаз.

«Смотри на свет Божий и думай о своих грехах».

Мишель смотрела. Свеча плыла, расплывалась, слёзы текли по щекам, но она не смела моргнуть. Если моргала — начинали сначала. Иногда это длилось часами.

В их графстве при церкви был крошечный лазарет — десять коек, шкаф с бинтами и склянками. Это место было наказанием для тела и души сразу. Туда отправляли Мишель ухаживать за больными. Она мыла прокажённых, меняла повязки, выносила судна. Отец говорил, что это смирение. Мишель думала, что это Ад.

Она знала все наказания. Знала, сколько может выдержать. Знала, когда нужно плакать — и когда нельзя. Знала, как дышать, чтобы не кричать.

И знала, что однажды уйдёт.

Поняла, что долго так не протянет, примерно в четырнадцать. К тому времени мама стала ходить всё меньше и почти поселилась в своей душной комнате с книгами. Она улыбалась, когда видела дочерей, но глаза её были пустыми. Морфий, который приносил врач, забирал не только боль, но и её саму.

Мишель выучилась молчать. Складывать себя в маленькую коробочку где-то под рёбрами и запечатывать. Смотреть в стену. Считать удары.

Ей нравилось думать, что она однажды вырастет. Что будет потом. Что где-то есть «потом», где не будет отца, не будет плетей, не будет боли.

Она ошибалась.

В шестнадцать Мишель начала подрабатывать шитьём. Брала заказы у соседок, чинила платья, штопала рубашки. Прякала монеты в подкладку старого пальто. Даже несмотря на увеличенное время «ссылок» в лазарет, она успевала выполнять заказы. Она копила на побег.

В семнадцать почти решилась. Почти — потому что Софи. Софи и вынужденный переезд в Лондон. Перед Мишель предстала не деревушка, где все друг друга знали, а огромный город чужих друг другу людей.

А двенадцатилетняя Софи всё ещё улыбалась, всё ещё пела, даже подружилась с местным хором при церкви, которые сразу её приняли. Сестра всё ещё верила, всё ещё оставалось живой, в то время как Мишель точно знала, что умерла ещё много лет назад. Её не стало тогда, когда щека впервые почувствовала острую боль.

Мишель не смогла её оставить. И не смогла забрать. Отец и его холодные серые глаза, преследовали её везде. И она знала, что он найдёт их в любой точке мира. Найдёт, вернёт и накажет.

Так она и осталась. Начала работать в местном лазарете. Год. Два. Три. У неё отлично получалось и, в отличие от монашек в лазарете Гэмпшира, которые то ли завидовали, то ли просто ненавидели Мишель, в Лондоне её труд признавали и ценили.

Легко быть хорошей медсестрой, когда каждый день ты лечишь раны на самой себе.

И только стоило сёстрам окрепнуть, как пришли новые наказания. В их Лондонском доме был подвал.

Сначала он использовался для хранения книг, свечей и припасов. Мишель позволила себе поверить, что в Лондоне всё будет иначе. Что новый город, новые стены, чужие улицы, по которым отец не сможет шагать как хозяин, что-то изменят. Но Эдвард не менялся. Менялись лишь декорации.

Первой туда спустили Софи. Ей было двенадцать, когда она стащила кусок хлеба со стола перед трапезой — не из голода, просто не удержалась, руки сами потянулись.

Мишель помнила, как сестра кричала. Как крик отражался от каменных стен, как превращался в вой, а потом в тихое поскуливание. Отец не бил сестру. Он просто оставил её там. На ночь. Без света. Без воды. Без объяснения, когда выпустит.

Утром Софи вышла с красными глазами и седым волосом в голове.

Потом пришла очередь Мишель. Старшая сестра обязана была следить за младшей. Мишель помнила, как отец закрыл дверь, и тьма стала абсолютной. Мишель стояла, вытянув руки, боясь пошевелиться. Где-то капала вода. Где-то скреблось что-то живое.

Она провела там три дня.

Когда её выпустили, Мишель не могла стоять на свету — глаза болели так, что приходилось закрывать их ладонями. Отец сказал, что это хорошо. Что боль очищает. Что теперь она понимает.

Мишель не понимала. Сначала она молилась, потом перестала. Слова потеряли смысл.

Софи держалась меньше. Её выводили через несколько часов, каждый раз всё бледнее. Она перестала плакать после третьего раза. Перестала говорить с отцом после пятого. Мишель видела, как сестра гаснет — медленно, как свеча, которую забыли затушить. Огонь ещё горит, но воск уже весь вытек.

Однажды он спустил вниз их обеих.

Софи разбила тарелку — случайно, руки дрожали после очередной ночи в подвале. Осколки разлетелись по полу, и один порезал отцу палец. Кровь выступила на коже, и он посмотрел на неё так, будто видел впервые. Потом перевёл взгляд на Софи.

— Вниз, — сказал он тогда. — Обе.

Мишель взяла сестру за руку. Софи уже не плакала — просто шла, опустив голову, как животное, которое ведут на бойню. Отец закрыл дверь, и щёлкнул замок — тяжёлый, чугунный, с наружной стороны.

Мишель прислонилась спиной к стене, сползла вниз. Софи села рядом, прижалась. Они молча сидели и ждали своей участи.

— Не бойся, — шептала Мишель, прижимая Софи к себе сильнее. — Все будет хорошо, я заберу тебя и маму, и мы уедем туда, где он нас никогда не найдёт.

Она повторяла это так часто, что практически потеряла смысл этих слов.

Прошёл час. Два. Три. Время в темноте текло иначе — густое, как смола. Мишель считала удары сердца. Софи дышала рядом — часто, как загнанный зверёк.

Потом слышались шаги. Отец спускался по лестнице. Свет от масляной лампы заплясал на стенах, выхватывая из темноты сырой камень, плесень, земляной пол.

Отец остановился на последней ступени. Поставил лампу на пол. В руке у него была верёвка. Простая, пеньковая, с узлами на концах.

— Софи, — сказал он. — Встань.

Сестра не двинулась. Мишель почувствовала, как её пальцы впились в руку.

— Встань, — повторил отец.

Софи поднялась. Медленно, как старуха. Ей было четырнадцать, но в тот момент она выглядела на все сорок.

Отец взял её за запястья. Обмотал верёвкой, потом поднял её руки над головой и привязал к крюку, вбитому в потолок. Крюк был старый, ржавый, но держал крепко. Софи повисла

на носках, едва касаясь пола. Плечи вывернулись под неестественным углом. Она вскрикнула — коротко, оборванно.

Мишель рванулась вперёд. Отец даже не обернулся — просто оттолкнул её назад, к стене. Она ударилась затылком о камень. В глазах вспыхнули искры.

— Смотри, — сказал отец. — Смотри и учись.

Он достал из кармана ремень. Не широкий, не солдатский — тонкий, узкий, с металлической пряжкой на конце. Мишель знала этот ремень. Она чувствовала его на своей спине. Она знала, как пряжка рассекает кожу, как кровь стекает по позвоночнику, как потом несколько дней нельзя лежать на спине.

Отец подошёл к Софи.

— Ты разбила тарелку, — сказал он. — Ты поранила отца. Ты думаешь, что можешь делать что угодно и тебе ничего не будет?

— Я не хотела... — прошептала Софи.

Первый удар пришёлся по спине. Софи дёрнулась, верёвка натянулась, крюк скрипнул. Второй — по ногам. Третий — снова по спине, чуть ниже, туда, где почки.

Мишель едва держалась на ногах, но доза адреналина от увиденного дала сил и она снова побежала к отцу. Она толкнула его в сторону, пнула в колено.

Эдвард упал, но быстро поднялся, удивлённо смотря на дочь.

— Ты обезумела? — прокричал он.

В глазах Мишель горел огонь. Она могла смириться со всем: со своими шрамами, которые никогда не заживут, с дрожащими пальцами, которые приходилось прятать, с темнотой, которая преследовала её повсюду. Но смириться с болью сестры Мишель не могла.

— Не трогай Софи. Лучше повесь меня. — Почти что прорычала Мишель. Она сама не узнавала свой голос, не узнала себя.

В неё вселился дьявол? Если да, то она даже рада. Ещё никогда она не чувствовала такой злобы, а с ней и силы. Казалось, что теперь Мишель может противостоять отцу.

Но вся уверенность разбилась об его ухмылку. Эдвард поправил очки на переносице, поцеловал крест на груди и перекрестился, смотря в потолок.

— Ох, Мишель, моя дорогая Мишель, — он покачал головой. — Признаться, я переживал, что перебарщиваю с твоим воспитанием. Я думал, что превратил тебя в запуганную мышь. Но в тебе ещё осталась эта... непокорность. — Отец презренно фыркнул, а затем наклонился, схватив Мишель за подбородок. — Знаешь, какую заповедь ты нарушила сегодня? Это легко, даже твоя сестра ответит.

Софи смотрела на Мишель, из её глаз текли слёзы.

— Дочь моя, — он обратился к Софи. — Скажи мне, какую заповедь нарушила твоя сестра?

Мишель поджала губы, затряслась. Злоба покинула тело, на место ей вернулся страх.

— Ч-чти, — Софи проглотила слюну, прокашлялась. — Чти отца твоего и мать твою, да благо тебе будет, да долголетен будешь на земле.

— Верно, — Эдвард похвально кивнул, возвращая взгляд к Мишель. — Ты подняла руку на отца. Чтобы замолить этот грех мне придётся очень долго молиться за твою душу Отцу нашему Небесному. Ты это понимаешь?

Мишель попыталась проглотить образовавшийся в горле комок.

Отец вздохнул и ударил Мишель под дых. Это всегда работало, когда нужно было, чтобы она не шевелилась. Затем он привязал её тонкой трубе.

Когда пространство перед глазами перестало плыть, Мишель поняла, что её руки связаны сзади. У неё не было и шанса выбраться.

— Раз уж сегодня мы собрались по другому поводу, — Эдвард вернулся к висящей Софи. — То сегодня ты просто будешь зрителем, Мишель. Но завтра... — Отец сжал в руках верёвку с шипами. — Завтра тебя настигнет настоящая Божья кара, дочь моя.

Отец бил Софи методично. Не спеша. Как крестьянин, который молотит зерно. Удар. Пауза. Удар. Пауза. Он не задышался, не злился. Лицо было спокойным, почти отстранённым. Он делал работу.

После порки отец снял Софи с крюка и унёс. Мишель осталась в подвале. Она знала, что так больше не может продолжаться. Ещё больше она боялась того, что сделает с ней отец.

Поэтому тогда она решила опередить его. Верёвки валялись рядом — отец не убрал их, торопился унести Софи. Тишина давила на уши, но в голове было ещё тише. Там всё уже было решено.

Она поднялась на ноги. Тело ныло, но это было неважно. Мишель взяла верёвку и медленно, будто во сне, начала плести петлю. Пальцы дрожали, но двигались уверенно.

Крюк в потолке. Тот самый, на котором висела Софи. Мишель подставила книги, все священные писания под ноги, накинула петлю и затянула узел. Дёрнула — держит.

Она надела петлю на шею и захныкала. Ей не хотелось бросать Софи и маму на произвол судьбы. Но силы покидали её, Мишель не видела другого выхода.

Она закрыла глаза. Впервые за долгое время почувствовав спокойствие.

Шаг.

Табурет отлетел в сторону. Верёвка натянулась, врезаясь в горло. Что-то хрустнуло — не в шее, в крюке. Но этого хватило. Воздух кончился. Перед глазами поплыли тёмные пятна, и в этой темноте было не страшно. Даже тепло.

Мишель чувствовала её. Она уже давно следила за ними из тёмного угла. Это была прекрасная старуха в элегантном чёрном платье. На губах сверкала красная, как кровь помада. Она двинулась к ней. Мишель улыбнулась, больше не чувствуя удушья.

Смерть распахнула свои вороновые крылья, собиралась поцеловать её, но тут Мишель услышала звук, который не должна была.

Дверь подвала распахнулась.

— Мишель!

Голос отца: сквозь пелену, сквозь Смерть. Старуха огорчённо посмотрела на Мишель.

«В другой раз» — услышала её шёпот девушка, прежде чем крылья раскрылись и Смерть исчезла.

Мишель не видела, как он подбежал. Не чувствовала, как схватил её за ноги и приподнял, снимая нагрузку с шеи. Не слышала, как ругался, перерезая верёвку ножом. Но воздух — воздух вернулся. Мишель согнулась, закашлялась, хватая его ртом.

Эдвард держал её за плечи, тряс. Лицо у него было белым, как мел, а глаза — безумными.

— Ты совсем сдурела?! — заорал он. — Ты хоть понимаешь, что натворила?!

Мишель не отвечала. Она не могла. Горло горело, голос не шёл.

— Самоубийство — самый страшный грех! — отец отшвырнул верёвку в угол. — Ты хоть знаешь, что тебя ждало бы? Ад! Вечный Ад! И не только тебя — ты бы утащила за собой Софи, меня, мать! Ты бы всех нас в геенну огненную ввергла! Ты об этом думала, когда петлю вязала?!

Мишель смотрела на него. В глазах не было ни страха, ни раскаяния. Только пустота. Она уже в Аду.

Эдвард замолчал. Он смотрел на неё долго, тяжело. Что-то в его взгляде изменилось — не гнев, не ярость. Что-то холодное и решительное.

— Нет, — сказал он тихо. — Так нельзя. Ты должна запомнить это. Навсегда.

Он поднялся, подошёл к столу, где лежали инструменты. Мишель видела, как он берёт скальпель. Тот самый, которым когда-то — в другой жизни — спасал людей. До Бога. До безумия. До этого подвала.

Он вернулся к ней. Присел на корточки.

— Прости меня, дочь моя, — сказал он. — Но это для твоего же блага.

Лезвие блеснуло. Мишель не успела даже дёрнуться.

Отец провёл скальпелем по её шее — быстро, точно, профессионально. Так, как учили в медицинском. Так, чтобы не задеть артерию. Он знал, куда резать, знал, как оставить шрам, который никогда не заживёт полностью.

Кровь потекла по шее, горячая, липкая. Мишель захрипела, схватилась за горло руками, но отец уже прижимал к ране тряпку.

— Тише, тише, — бормотал он. — Всё заживёт. Но я надеюсь, что ты запомнишь это навсегда.

Он перевязал её — аккуратно, бережно. Мишель не могла кричать, не могла говорить. Она вообще не была уверена, что сможет когда-нибудь снова издать хоть звук.

Отец посмотрел на неё, вытирая руки.

— Вот теперь, — сказал он спокойно, — ты понимаешь.

Мишель поняла. Она поняла, что из его лап не выберется никогда. Что бы она ни сделала — он найдёт способ вернуть её, даже из Ада.

Несколько месяцев она не могла говорить. Только хрипела, шептала. Шрам на шее зажил, но остался — тонкая розовая полоса, которую она всю жизнь будет прятать под воротником.

И понимание. Тихое, холодное.

Выхода нет.